

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Ленинградское отделение

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

XIX ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ
ЛО ИВ АН СССР
(доклады и сообщения)
1985

Часть I

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1986

- ного образования, срок обучения был рассчитан на пять лет.
2. Перу Л.Мечникова принадлежит более четырехсот научных работ.
 3. А.А.Галактионов, П.Ф.Никандров. Л.И.Мечников и его историко-социологическая концепция. - *Философские науки*. 1968, № 6. Они же. *Русская философия XI-XIX веков*. Л., 1970; В.Н.Константинов. *Мировоззрение Л.И.Мечникова*. - Автореф. дис.... канд. наук. Киев, 1972.
 4. Лев Мечников. *Европейское образование в Японии*. - *Русские ведомости*. 12.04.1885 г.
 5. Там же.
 6. *Metchnikoff Leon. L'empire japonais; Texte et dessins par Leon Metchnikoff. Genève, L'atsume Gusa, 1878.*
 7. В СССР издана книга Л.Мечникова "Цивилизация и великие исторические реки". М., 1924.
 8. Ватанабэ Масадзи Мечникофу то Нихон (Мечников и Япония). *Дайсан буммэй*. Токио. 1978, № 2.
 9. Г.В.Плеханов. Соч. Изд. 1923 г. Т.УП, с. 331.

Климов В.Ю.

"ПАССИВНЫЕ" ФОРМЫ СОПРОТИВЛЕНИЯ ЯПОНСКИХ КРЕСТЬЯН В ПЕРИОД СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Многообразна в своих проявлениях борьба классов, основная движущая сила развития антагонистических обществ. "История всех до сих пор существовавших обществ, - отмечали К.Маркс и Ф.Энгельс, - была история борьбы классов ... угнетающий и угнетенный находились в вечном антагонизме друг к другу, вели непрерывную, то скрытую, то явную борьбу..." (I, с. 424).

Исследователей средневековой истории Японии в первую очередь привлекает "явная борьба", когда в открытых вооруженных столкновениях антагонистических классов выпукло проявляются противоречия феодального общества, специфика и особенности классовой борьбы, присущие этому обществу. Но было бы неверно сводить вопрос о классовой борьбе только лишь к вооруженным выступлениям народных масс, основу которых составляло крестьянство. Гораздо неприметнее проходила "скрытая борьба", органически связанная с "явной". Чтобы лучше понять причины восстаний, условия, подготовившие их, переход от одной формы борьбы к другой необходимо пристальное внимание историков к "скрытым", пассивным формам борьбы.

Первым, простейшим средством несогласия японских крестьян с властями является челобитная (мосидзэ), в которой земледельцы выражали свой протест против произвола и беззакония местных чиновников. Это средство было признано и Уложением годов Кэмму, ст. 15: "Жалобы бедных и слабых должны быть выслушаны..." (6, с. 35). Наталкиваясь на стену молчания или встречая отказ, крестьяне, после неоднократных попыток челобитными обратить внимание своего господина на нетерпимое положение вещей, решались сделать следующий шаг: прекращали вносить продуктивную ренту владельцу поместья, отказывались от несения трудовых повинностей. Как правило, в этом случае представители феодала, владеющего поместьем, предъявляли ультиматум земледельцам, требуя внести тотчас же часть недоимок, а на оставшуюся - дать обязательство - порой в форме письменной присяги (кисёмон) - о внесении её вместе с продуктовой рентой будущего урожая. В противном случае налагался арест на имущество, жилище и поля с еще не собранным урожаем. Об этом повествует письменный памятник "Оан нэнто ирай Хорюдзи хёдзэ никки" - "Полудневная запись постановлений [руководства] храма Хорюдзи начиная с годов Оан" (Оан - 1368-1375, девиз правления северной династии - В.К.). (5, с. 1003). Имели место случаи, когда земледельцы не подчинялись подобным распоряжениям, продолжали своевольно обрабатывать землю, снимали с нее урожай. Надо полагать, наложение ареста на жилище, имущество и поля было жестоким наказанием, подрывающим основу существования крестьянина. Однако наложение ареста не означало конфискации. Это было своего рода последним предупреждением владельца поместья челобитчикам, желавшим снижения или снятия недоимок из-за неурожая. В отличие от светских феодалов духовные князья в лице настоятелей храма Хорюдзи, Кофукудзи пытались использовать религиозные предрассудки крестьян. При наложении ареста представители храмов, святилищ огораживали поля и дома "священными деревьями". Воздействие на земледельцев усиливалось: в сознании средневекового японца укоренилось представление, что по "священным деревьям" нисходят с неба боги. "Миросозерцание средних веков, - отмечает Ф.Энгельс, - было по преимуществу теологическим" (3, с. 495).

Светским князьям при упорстве крестьян приходилось полностью полагаться на авторитет силы: владельцы поместий конфисковали поля, сносили или сжигали дома непокорных, как это было в поместье Синкай-то сё, где отряды военного правительства в 1431 г. предали огню все деревенские постройки (7, доп. т. 2, с. 219; запись от 9-го дня 3-ей луны, 3-его года Эйкё). Надо отметить,

что подобные действия противоречили ст. 4-ой Уложения годов Кэмму: "Запрещается подвергать аресту частное жилище. Приложив [все свои] скромные силы, [человек] соорудил себе жилище [?] постройки. И сразу же [его дом] подвергается аресту. А если [дом] отбирают и уничтожают, то некуда [ему] податься. Следовательно, обрекается на бродяжничество. В конце концов [он] теряет средства к существованию. Разумеется, [это] недопустимое положение" (6, с.34). По закону арест жилища и имущества, а тем более их конфискация, применялись по отношению к совершившим серьезные преступления: убийство, грабеж. Следовательно, недоимки и упорное нежелание их погасить приравнивались владельцами поместий к самым серьезным преступлениям. В тех случаях, когда феодалы, владеющие поместьями, не располагали значительными военными силами или посылка отрядов в поместья в отдаленных провинциях была сопряжена со значительными трудностями, они обращались за помощью к князьям, исполняющим обязанности правителей провинции, или местным феодалам имеющим военные отряды (5, сс. 1005-1007).

В подобных случаях при достаточной сплоченности, солидарности недовольство крестьян либо перерастало в открытое вооруженное восстание, либо выливалось в массовый побег. Судзуки Рёити в известной монографии "Нихон тисэй-но номин мондай" ("Проблемы средневекового крестьянства Японии") отмечает, что чем организованнее побег, чем решительнее выдвигаются требования, тем условнее становится грань между пассивной и активной формами борьбы, тем большее сходство - добавим от себя - эти побегии приобретают с вооруженным выступлением (9, сс. 244, 272).

В ст. 42 Уложения годов Дзёэй, имевшего силу и при сёгунате Асикага, находим в сжатой форме сущностную оценку этого социального явления со стороны правящего класса. "Когда люди, живущие в провинциях, совершают побег, владелец поместья и другие [чиновники] заявляют о побеге, задерживают [их] жен и детей, конфискуют их собственность ... Если выяснится, что крестьянин имеет задолженность по уплате продуктовой ренты и налогов, он должен [ее] возместить. Если выяснится, что он не имеет задолженности, собственность, изъятая у него, будет немедленно возвращена..." (4, с. 9).

Беглецы скрывались в горах, на рынках, по берегам рек, в прибрежных морских районах, лесах, на кладбищах, словом, там, где они себя чувствовали в безопасности и куда представители властей либо не имели права доступа, либо - реальной возможности эффективного контроля в силу удаленности или труднодоступности той или

иной местности. Леса, реки, море, кладбища традиционно считались убежищами, освященными религией. Не всегда крестьяне, решившие совершить коллективный побег, покидали деревню. Порой они лишь обозначали его. При этом земледельцы окружали свои дома, деревню, мелкорослым бамбуком, "священными деревьями" – клейера японская –, заваливали дороги и тропинки, ведущие в деревню, валежником, имитируя таким образом горный лес. Японцы верили, что "священные деревья", мелкорослый бамбук, валежник наделены чудодейственной, магической силой, способной обезопасить крестьян от угрозы вторжения злых сил (См. 8, сс. 75–76).

Массовые коллективные побегии были своеобразной демонстрацией единства и решимости вести борьбу до конца, сильным средством давления на владельцев поместья и зачастую сопровождалась подачей челобитной непосредственно владельцу поместья (такие челобитные получили название "госо" – дословно: "настоятельная просьба", "убедительная просьба"). И нередко она действительно убеждала феодалов пойти на разумный компромисс. После чего земледельцы возвращались домой, в поместье. Беглые крестьяне готовы были вернуться, если выполнялась хотя бы часть их справедливых требований. Конечно, были побегии – и к ним относятся прежде всего индивидуальные–, связанные со стремлением земледельца попытаться счастья в других местах. Но в таких побеггах нашли отражение ограниченность крестьян, их разобщенность на сравнительно небольшой территории, неспособность коллективно противостоять необоснованным домогательствам феодалов. К.Маркс в первом наброске письма к В.И.Засулич указывал: "Попробуйте сверх определенной меры отбирать у крестьян продукт их сельскохозяйственного труда – и, несмотря на вашу жандармерию и вашу армию, вам не удастся приковать их к их полям!" (I, с. 408).

В пассивной форме борьбы прослеживается постепенное восхождение от простейших средств сопротивления (челобитная) к более сложным, организованным, коллективным средствам (массовые побегии), которые органически связаны с открытым вооруженным сопротивлением. Переход от одних средств борьбы к другим по преимуществу был обусловлен притеснениями феодалов. Форма челобитных, письменных присяг, последовательность их подачи была в значительной мере формализована и получила признание и у владельцев поместий, князей. Некоторые образцы документов (присяга), средства борьбы ("священные деревья"), ритуал дачи "присяги святой воды" (синдзуй–но кисёмон) в верности друзьям, единомышленникам по борьбе были заимствованы у правящего класса и других социальных слоев

(ритуал дачи присяги был заимствован у монахов).

1. К.Маркс. наброски ответа на письмо В.И.Засулич. Первый набросок. Сочинения. 2-е изд. Т. 19.
2. К.Маркс и Ф.Энгельс. Манифест Коммунистической партии. Сочинения. 2-е изд. Т. 4.
3. Ф.Энгельс. Юридический социализм. Сочинения. 2-е изд. Т. 21.
4. Госэйбай сикимоку, Гунсёруйдзю (Уложение годов Дзёэй, Собрание документов). Т. 22, Токи, 1979.
5. Кокуси сирёсю (Собрание документов по истории отечественной истории). Т. 2, часть 2, Токио, 1944.
6. Кэмму сикимоку, Гунсёруйдзю. Уложение годов Кэмму, Собрание документов. Т. 22, Токио, 1979.
7. Мансай Дзёго никки, Дзоку гунсёруйдзю (Дневник Мансай Дзёго, Продолжение собрания документов). Дополнительные т. I и т. 2, Токио, 1934.
8. Кацумата Сидзю. Тёсан-но сахо, Сигаку дзасси. Т. 90, № 12, декабрь 1981. - (Правила побега, Исторический журнал).
9. Судзюки Рёити. Нихон твсэй-но номин мондай (Проблемы средневекового крестьянства Японии). Киото, 1948.

А.И.Колесников

ИЗ ИСТОРИЧЕСКОЙ ТОПОНИМИКИ САСАНИДСКОГО ИРАНА

Более ста лет в иранистике бытует мнение о существовании в сасанидскую эпоху двух городов с одинаковым названием Бех Ардашир: одного, основанного Ардаширом Папаканом в 230 г. на правом берегу р. Тигр на развалинах Селевкии и вошедшего позднее в пятиградие сасанидской столицы, и другого, тоже каким-то образом связанного с Ардаширом, административного центра провинции Керман. Мысль о существовании керманского Бех Ардашира была высказана Т.Нельдеке в комментарии к немецкому переводу сасанидской части "Хроники" ат-Табари.¹ Нельдеке не назвал источника информации, но очевидно им было пехлевийское географическое сочинение "Города Ирана" (Шахрестанейх-и Ераншахр), с которым ученый мог ознакомиться и до издания самого пехлевийского текста. Увлечение Нельдеке в те годы пехлевийской литературой подтверждается его переводом "Книги деяний Ардашира сына Папака" (Кёрнэмак-и Ардашир-и Папакан), который был издан в 1878 г.